

Марианна Грин

Манхатанская ведьма

Марианна Грин

Манхатанская ведьма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18289391

Аннотация

Англия в начале 20-го века; в маленьком провинциальном городке происходят таинственные и загадочные события. Что это? Выдумки суеверных необразованных горожан или реальность? Два молодых доктора сперва смеются над их страхами, но вскоре они сами оказываются втянутыми в цепь странных, необъяснимых, пугающих происшествий. А за разгадку тайны можно поплатиться жизнью... Или погибнет Она – та, единственная, прекрасней которой нет на свете...

Манхатанская ведьма.

Англия, графство Н..., 1900 г.

I глава.

Хорошо помню тот теплый июньский день: я стоял на станции и ожидал дилижанс, держа в руке чемодан, набитый больше книгами, чем вещами. Всего две недели назад я получил диплом врача и считал себя вполне готовым послужить людям в этом качестве. Передо мной открывались перспективы моей новой жизни и настроение было бодрым и радостным.

Обычно мне нравятся долгие поездки. Приятно познакомиться с интересными людьми или же с хорошенькой девушкой и рассказывать ей смешные случаи из своей жизни. Приятно бывает просто смотреть в окно и о чем-нибудь размышлять, если нет попутчиков...

Но в этот раз мне не повезло. Попутчики были, но вместо симпатичной девушки на следующей станции в дилижанс села грузная престарелая дама, с острым длинным носом и трясущейся головой. Её сопровождал молчаливый и хмурый молодой человек.

Старая леди, не церемонясь, стала изучать меня пристальным взглядом. Я подумал, что со мной, наверное, что-то не в порядке, может костюм в дороге запачкался... Она поднесла

к глазам пенсне, висевшее на потускневшей цепочке у нее на шее, и посмотрела на меня сквозь стекла.

– Простите, э -э – э... мистер..? – произнесла она скрипучим голосом.

– Фрэдбер, – представился я, склонив голову.

– Простите, мистер Фрэдбер, но мне показалось, что вы похожи на моего внука Эндрю.

Я кивнул и улыбнулся, выразив таким образом, что это большая честь для меня. Больше мы с ней не разговаривали.

Мы ехали через глухой, темный лес. Большие тяжелые ветки дубов и вязов низко нависали над дорогой, полностью заслоняя солнечный свет. Через пару часов я спросил у водителя, далеко ли еще до Манхатана.

– Скоро будем, сэр! Еще каких-то десять минут! – крикнул тот.

Мирно дремавшая до этого старушка вздрогнула, открыла глаза и с беспокойством взглянула на меня.

– Простите, сэр, может быть, я ослышалась, вы сказали, что едете в Манхатан?

– Да, это действительно так, – ответил я.

Старая леди прямо подскочила на своем месте, словно я сказал что-то ужасное.

– С нами Крестная сила! В Манхатан!!! Ты слышал, Бобби? – проскрипела она, обращаясь к сопровождающему. – Зачем молодому человеку ехать в это проклятое место?

Я растерялся.

– Но я еду туда работать

Старуха даже не услышала меня.

– Это царство тьмы! От них даже пастор сбежал, не выдержал! – она подняла вверх костлявый палец. – Мне Бетси говорила: его нашли у реки, еле живого от страха, он говорить не мог! А как пришел в себя, тут же уехал из города!

Теперь была моя очередь возриться на старую даму с нескрываемым удивлением: в своем ли она уме? В этот момент мы вынырнули, наконец-то, из леса, и за окном открылась живописная картина: небольшие аккуратные домики, разбросанные по окрестным зеленым холмам, освещенные лучами заходящего солнца. Вот так «царство тьмы»! Мы проехали по чистой мощеной улочке и остановились на площади.

– Прибыли, сэр! – крикнул возничий, открывая дверцу.

Схватив свой чемодан, и пожелав престарелой леди «Всего хорошего!», я поспешил выйти. Возничий стегнул лошадей, дилижанс тронулся и быстро скрылся за поворотом.

В Манхатане живет мой друг Генри. Я познакомился с ним, когда учился в Кэмфордском университете. Мы вместе снимали комнату, он так же, как и я, учился на кафедре физиологии. Генри получил диплом на 2 года раньше меня, потом дед оставил ему в наследство дом в этой тихой провинции, и он перебрался жить и работать сюда. Генри обещал мне помочь с врачебной практикой, вот я к нему и приехал.

Этот городишко был скорее похож на деревню. Передо

мною стояла старая часовня с заколоченными дверями, из которой якобы сбежал пастор. Я усмехнулся, вспомнив выдумки странной старухи, и пошел по одной из улиц, чтобы найти жилище своего друга.

Неподалеку, возле крыльца одного дома разговаривали две женщины. Я направился к ним, чтобы спросить, где живет Генри, и невольно услышал обрывок их разговора.

– Ой, я всю ночь не могла спать! Вы разве ничего не слышали, миссис Хаксли? Где-то у сада бродячая собака выла! – жаловалась одна из них, более молодая.

Другая покачала головой:

– О, это плохой знак! Тем более сегодня такой день – все может случиться. Мой вам совет: закройте двери, как стемнеет, и главное – не пускайте никуда детей!

– Вы правы, дорогая, я так и сделаю!

– Добрый день! Прошу прощения, что прерываю вашу беседу, – извинился я, – вы не могли бы мне подсказать, где живет доктор Генри Крон?

Обе женщины обернулись ко мне.

– А вы идите прямо, и там как раз увидите за деревьями, в глубине, двухэтажный дом. Здесь совсем близко, – сказала молодая женщина.

– Большое спасибо.

Я пошел по указанному пути и вскоре оказался перед оградой небольшого старого особняка, окруженного высокими дубами. Поднявшись на цыпочки и заглянув во двор, я

увидел ухоженный сад и несколько горшков с цветами на окнах. Мне это начинало не нравиться. Уж не женился ли этот убежденный холостяк, за те полгода, что он не писал мне? Тогда я здесь надолго не задержусь. Я постучал и через некоторое время услышал за дверью, к своему ужасу, женский голос:

– Кто там?

– Доктор Крон дома? Я его друг.

Дверь открылась, и появилась молодая женщина в белом фартучке. Я напрасно испугался, это была всего лишь горничная. Она окинула меня быстрым взглядом и, томно опуская глаза, сказала:

– О, я сейчас позову господина доктора, проходите в дом.

– Спасибо.

Я прошел в гостиную и с наслаждением опустился в мягкое кресло. Однако, Генри, должно быть, работается неплохо, если он держит горничную. Я осмотрелся. Обстановка говорила о том, что здесь живет человек среднего достатка. Два кресла около камина и небольшой диван с золочеными ножками были обиты дорогой красивой материей. Посреди комнаты стояли овальный стол из красного дерева и несколько тяжелых старинных стульев. За бордовой портьерой виднелась другая комната, кабинет или библиотека, судя по длинному книжному шкафу у дальней стены.

На лестнице послышались шаги, и Генри спустился в гостиную.

– Роберт! Наконец ты приехал, старина!

Мы обнялись, последовали радостные восклицания, вопросы, какие бывают у двух друзей, не видевшихся целых два года. Генри остался таким же худым и долговязым, каким я знал его в университете. Он отпустил себе усы и небольшую бородку, так он стал выглядеть старше и солиднее.

Мы обедали и делились новостями, рассказывали о своей жизни, вспоминали общих знакомых. Словом, обед у нас затянулся допоздна. Мы бы и всю ночь посвятили разговорам, но часов в одиннадцать кто-то постучал в дверь:

– Доктор Крон! Откройте, пожалуйста, доктор Крон!

Горничная (ее звали Лори) открыла, и вошел грузный запыхавшийся горожанин лет сорока.

– Доктор, скорее! Моя дочка чем-то отравилась, ей плохо. Помогите, пожалуйста, доктор! – проговорил он, комкая в руках свою шляпу.

– Хорошо, сейчас я только оденусь. Роберт, ты можешь тоже пойти, тебе это будет полезно.

Генри взял саквояж с лекарствами, мы вышли из дома и поспешили за мужчиной по направлению к площади. Он жил на соседней улице. По дороге мы выяснили, что девочка съела какие-то синие ягоды в лесу. Через десять минут мы уже были на месте.

Мне еще ни разу не приходилось сталкиваться ни с отравлениями, ни с пациентами-детьми, поэтому я мог пока только наблюдать за работой своего друга. Генри пощупал пульс

ребенка, посмотрел зрачки, затем заставил выпить слабый раствор марганца. Мы занимались ею около часа и ушли только тогда, когда убедились, что ей стало лучше, опасность миновала. Генри предложил:

– Пойдем другой дорогой. Не будем возвращаться и петлять по улицам, а спустимся сейчас к саду, оттуда ближе к моему дому.

Мы спустились вниз по улице, и передо мной появились темные неровные очертания кустарника и силуэты высоких могучих деревьев.

– После захода солнца женщины боятся здесь ходить, – с насмешкой сообщил мне Генри.

– Почему?

– Не знаю, какие-то суеверия. Там, в конце сада, – он неопределенно махнул вправо рукой, – полуразрушенный старинный особняк стоит уже больше ста лет.

– Ух ты! – удивился я. – А кто же его разрушил?

– Не имею ни малейшего понятия. Когда-то тут что-то такое произошло, то ли убили кого-то, то ли еще что... Ну, да, ерунда все это! Нам с тобой не за чем забивать себе голову бабьими сказками...

Конечно, для возникновения суеверий, легенд и всяких женских страхов, это было идеальное место. Свет из окошек домов сюда не достигал, хотя последний на улице дом находился довольно близко. Деревья освещались только сиянием Луны. Этой ночью она висела низко, прямо над садом, и бы-

ла какого-то странного, зловещего красноватого цвета.

– Я частенько хожу через сад в лес на охоту, в этом месте нет ограды, – сказал Генри. – И думаю, мы с тобой...

Его прервал дикий, полный ужаса крик, от которого у меня по спине пробежал холодок. Мы переглянулись.

– Что это? Может, на кого-то в лесу напали? – предположил я.

– Кто его знает, – озадаченно произнес Генри. – Волков здесь нет, нападать некому... Хотя мне тоже кажется, что кричали за садом, в лесу. Давай посмотрим.

Мы перелезли через каменный бордюр и проникли вглубь сада, затем остановились и прислушались. Ничего. Тогда Генри сложил руки рупором и крикнул: «Эй! Отзовитесь!» Никакого ответа. Нас окружала стена разросшегося кустарника, мы стояли в абсолютной темноте. Не было слышно ни звука, только летучая мышь стремительно пронеслась над головой.

Мы осторожно двинулись по едва сохранившейся ровной дорожке вперед. Генри предложил пересечь сад и, выйти на опушку леса. Мы шли гуськом, мой друг вытянул руку, чтобы не наткнуться на дерево или куст. Я держался за ним.

– Здесь сейчас будет груда камней, надо взять левее! – предупредил он меня и тут же обо что-то споткнулся. Выругавшись, он наклонился посмотреть, что это такое, и вдруг изменившимся голосом позвал:

– Роберт!

Я подошел поближе и с трудом различил, что на земле лежит человек. Генри опустился на колени рядом с ним.

– Кажется, живой, но без сознания, – пробормотал он, – Ну-ка, помоги мне!

Мы вытащили его из сада, и при свете луны Генри смог разглядеть его лицо. Он удивленно присвистнул:

– Да это же Дэвид Вилингс, наш скрипач! Что он делает здесь ночью?

Он дал ему понюхать нашатырного спирта, и юноша очнулся. Узнав моего друга, он попытался подняться.

– Доктор Крон! Там в лесу... там...

– Дэвид, все в порядке! Что бы с вами не случилось, это уже прошло, все закончилось хорошо. Сейчас мы пойдем ко мне, вы успокойтесь и все нам расскажете.

Рубашка Дэвида была порвана, лицо исцарапано. Он хотел встать, но тут же, охнув, схватился за руку Генри.

– Я не могу наступить на правую ногу.

Мы ощупали его колено – перелома не было. Это был обычный вывих.

– Ну, тогда, Дэвид, обопритесь об наши плечи, и мы вас дотащим, – предложил Генри и представил меня, – кстати, это мой старый друг, тоже доктор, Роберт Фрэдбер.

Кое-как мы добрались до дома. Генри кулаком, что есть силы, забарабанил в дверь. Через десять минут (в течение которых мы с Генри стучали по очереди) послышался недовольный заспанный голос:

– Ну, сейчас, сейчас. Иду уже, открываю.

Открыло дверь сердитое существо в мятом платье, надетом задом на перед фартуке и со сбившейся набок прической.

– Нет хуже работы, чем служить у доктора, – говорила Лори, глядя на нас одним глазом и непрерывно зевая. Другой глаз она, видимо, не в состоянии была открыть. – Доктор Крон, вы приходите в два часа ночи, будите меня, а потом, в семь утра, я должна варить вам кофе!

Тут Лори заметила меня, и ее второй глаз моментально открылся.

– Ой, доктор Фрэдбер! Я совсем забыла, что вы приехали. Простите меня, пожалуйста, – она стала поправлять прическу, – что вам, господа, принести?

– Принесите виски в гостиную и приготовьте постель Дэвиду на диване в библиотеке.

– Дэвид! Я тебя не заметила... Святые угодники! Что с тобой случилось? – Лори подскочила к юноше.

– Узнаете потом, завтра, – сказал Генри, решительно отстраняя горничную. – Вы приготовили комнату для доктора Фрэдбера?

– Да, да, конечно.

Дэвид был не в лучшем состоянии. Колено мы ему вправили, царапины обработали, но дело было не в этом. Он пережил сильное нервное потрясение и, видимо, все время мысленно переживал то, что с ним произошло в лесу.

– Генри, по-моему, сегодня не надо ни о чем его спрашивать, – сказал я.

– Ты прав, я и сам так думаю. Я дам ему снотворное.

Мы подождали, пока Дэвид уснет, и сами отправились спать. Мне отвели комнату на втором этаже рядом со спальней Генри.

* * *

Утром я торопливо брлся у себя перед зеркалом. Не терпелось послушать рассказ Дэвида. Признаюсь, во мне проснулось прямо мальчишеское любопытство, совсем неподобающее людям моей профессии. Положив бритву на столик, я с удивлением обнаружил на нем маленькую изящную коробочку, источающую тонкий аромат. Это оказалась женская пудреница. Я вышел из комнаты и спустился вниз на кухню. Лори в этот момент поджаривала тосты к завтраку.

– Лори, объясните мне, пожалуйста, как это попало на мой стол? – спросил я, показывая ей пудреницу.

– Ах! – воскликнула она, выхватила у меня коробочку, спрятала ее в карман фартука и только после этого решила дать мне объяснение. – Простите, доктор, мою рассеянность. Я забыла ее вчера. Вы знаете, я иногда так задумаюсь, замечаюсь о чем-то, что все на свете забываю.

Лори вздохнула и возвела глаза к потолку. Я хмыкнул, уж очень смешно она выглядела.

Дэвид чувствовал себя намного лучше, он решил начать

свое повествование после завтрака. Мы уселись в гостиной. На вид Дэвид был на пару лет младше меня. Тонкий профиль, непокорная грива светлых волос создавали впечатление мужества и болезненной хрупкости одновременно. Такие лица действительно часто встречаются у творческих, одаренных натур. Генри уснул Лори на кухню, чтобы не мешала. Она очень обиделась, принялась ворчать, но я заметил, что она неплотно закрыла за собой дверь и села на стул в коридоре. На кухню идти она, естественно, не собиралась.

– Вчера вечером я пошел в лес, – начал Дэвид.

– Простите, пожалуйста, – перебил его Генри, – вас не смутит, если мы будем иногда задавать вопросы? – Дэвид отрицательно покачал головой. – Просто мне не понятно: зачем вам понадобилось непременно вечером идти в лес?

– Ну-у, мне надо было проследить за одним человеком... Она... э-э-э... то есть, он, – забормотал юноша и его шея от волнения покрылась красными пятнами.

– Дэвид, вы можете нам ничего не рассказывать, – мягко произнес Генри, – Правда, тогда, боюсь, мы ничего и не поймем... Не знаю, имеет ли смысл в таком случае вообще продолжать нашу беседу?

Парень опустил голову и вздохнул.

– Хорошо, я все расскажу... Я такое пережил, что мне необходимо с кем-то посоветоваться. Только поклянитесь, что больше никто об этом не узнает! – и он так посмотрел на нас, что нам с Генри ничего другого не оставалось, кроме

как поклясться хранить тайну.

Дэвид немного помолчал, собираясь духом, и, наконец, решился:

– Дело в том, что моя невеста, Линда Петерсон, в последнее время стала как-то странно себя вести. Раньше мы любили гулять вдвоем по лесу, я часто играл ей на скрипке. Она могла слушать музыку часами, следя за моей мыслью... Мы во всем доверяли друг другу. Но в последнее время Линда очень переменилась ко мне. Она стала скрытной, обидчивой, молчаливой. Вечерами она часто куда-то уходила из дома одна, и ее мать ничего не могла мне объяснить. И еще многое другое, что вот так вот, сразу, и не расскажешь...

Вчера я пошел к ней и спросил, что с ней происходит. Она не стала отвечать, а сказала, что ей сейчас некогда, так как она должна срочно куда-то идти. На часах в тот момент было уже десять вечера! Я потребовал, чтобы она сказала мне всю правду, и, в первую очередь, – куда она идет. Я ведь все-таки не посторонний человек, доктор Крон! Я имею право знать! – Дэвид так разгорячился, что даже встал. – А Линда заявила, что это не мое дело... Ну, и мы поссорились... Я ушел от нее, хлопнув дверью, страшно рассерженный... Но тут мне пришла в голову мысль, проследить куда это она ходит, и я спрятался за кустами возле ее дома, – он опустился в кресло и взъерошил волосы. – Как вы знаете, дом Петерсонов стоит ближе всех к заброшенному саду. Через некоторое время Линда появилась на крыльце. Внимательно рассмотре-

лась вокруг и, ничего не заметив, направилась напрямиком в сад. Это показалось мне подозрительным. Я-то думал, что все женщины боятся и близко подходить к нему! Удивившись, я осторожно пошел за ней.

Она обогнула полуразрушенный грот, возле пруда повернула направо, к буковой аллее. Я следовал за ней, прячась за деревьями и кустами. Она шла так уверенно, что я понял: такая ночная прогулка для нее не новость. Вдруг Линда приподняла низкую ветку и нырнула в заросли. Я поспешил за ней и оказался окруженным со всех сторон высокой стеной терна. Пока пытался выбраться, весь исцарапался, порвал рубашку. Мне показалось, что я ошибся, слишком рано свернул. К счастью, за терном обнаружилась узенькая вьющаяся тропинка. Впереди мелькало светлое платье Линды.

Но в саду она ни с кем не встретилась, и вскоре сперва Линда, а затем и я вошли в лес. Меня это очень насторожило. Что за тайные дела у нее могут быть? С кем она встречается в лесу? И почему они назначили свидание так далеко от дома?

Линда двигалась не прямо вглубь леса, а как-то наискосок, пересекая дорожки и тропинки, куда-то налево. Раза два она оглянулась, но я не знаю, увидела она меня или нет. Уже было совсем темно. Я с трудом различал впереди ее светлый силуэт.

Мы шли довольно долго и, так никого и не встретив, достигли болота. Я увидел, что Линда пошла через топь. Вы можете мне не поверить, ведь болото считается непроходи-

мым... Столько всего произошло за эту ночь со мной, что я и сам себе уже не верю...

Я очень испугался, позвал ее, но она не услышала или не захотела услышать. Тогда я, перекрестившись, отправился по болоту за ней. Не знаю, как я смог там пройти... Я пытался запомнить, куда она ступает, но в темноте это было невозможно. Каким-то образом я все же добрался до противоположного берега...

– Честно говоря, верится с трудом, что через топь есть проход, – усомнился Генри.

– Но у меня нет причин вам лгать, мистер Крон, – ответил Дэвид.

Я подумал, что Генри такими замечаниями может просто обидеть Дэвида и выступил на его защиту:

– Если через болото никто не мог раньше пройти, это совсем не означает, что оно непроходимое.

Генри спокойно пожал плечами:

– Может, ты и прав. Ну, а что же случилось потом?

– А потом я потерял Линду из вида и заблудился. Ведь в той части леса, которая за болотом, в Старом лесу, я никогда не был. Да и немногие из нашего города, думаю, побывали там... Я звал Линду. Я звал ее еще на болоте, но она не оглянулась. И это испугало меня. Она не могла меня не слышать, так как я был достаточно близко. Мы поссорились с ней, но, вы же понимаете, ночью, в лесу! Она должна была хоть оглянуться! А Линда словно и в самом деле меня не слышала. На

какой-то момент мне даже показалось, что это не она, а... кто-то другой, – Дэвид побледнел при этих словах, но поборов волнение, продолжил рассказ. – Мне ничего не оставалось, как заночевать в лесу. Я говорил себе, что завтра утром я смогу найти то место, где я перешел топь, и вернуться домой. Хотя, в душе я понимал, что это маловероятно.

Я начал устраивать себе ночлег у поваленного дерева и вдруг заметил, что вдали светится маленький огонек. Это могло быть окошко в доме лесника или костер. Я устремился к нему, продираясь через кустарник и мечтая только о том, чтобы он не погас. Это оказалось довольно далеко, я шел около получаса. Но впрочем, не знаю... Когда преодолел половину пути, огонек все-таки погас, и я потерял последнюю надежду. Ведь это означало, что те, кто были у костра, ушли. Я закричал, но мне снова никто не ответил. Только филин заухал где-то над головой, снялся с дерева и тяжело полетел над лесом...

Я продолжал идти в этом направлении и вдруг наткнулся на бревенчатую стену дома. Там, несомненно, были люди, я слышал, как низкий грубый голос произносил какие-то короткие слова на незнакомом языке. Я решил заглянуть в окно. В этом доме оно было только одно. Ставни оказались закрытыми, из-под них выбивался тусклый свет. Я посмотрел в щель между ставнями и поначалу ничего не мог понять – что-то черное постоянно мелькало перед моими глазами. Тогда я стал на выступающее из стены бревно и заглянул внутрь

сверху. То, что я увидел сквозь щель, глубоко поразило меня. Шестеро человек в длинных черных накидках, закрывающих лица, ходили вокруг большого стола. А на столе лежала девушка, накрытая белым покрывалом. У меня на миг перехватило дыхание, но, взглядевшись, я немного успокоился – это была не Линда.

Непонятные слова звучали резко и отрывисто. Одно слово было произнесено три раза и подхвачено хором высоких голосов. Я понял, что это женщины. Потом одна из них запела глубоким красивым голосом. Но это была не песня, я не мог уловить никакой мелодии, хотя в ней все же присутствовала скрытая гармония. Она пела всего несколько слов, но на разный лад. Остальные женщины делали какие-то движения руками.

Вдруг та, что пела, сняла покрывало с головы, остановилась и посмотрела, как мне тогда показалось, сквозь стену прямо на меня. Я понимал, что такое невозможно, но вместе с тем был уверен, что она меня видит. В ее руке что-то блеснуло, и она вышла из комнаты. Я знал, что она идет ко мне, но был в каком-то оцепенении и не мог ничего сделать.

Она появилась из-за угла дома, подошла очень близко и остановилась, пристально глядя мне в глаза. Я хотел улыбнуться и сказать, что заблудился. Но у меня пересохло в горле, и язык совершенно не слушался...

У нее был такой взгляд! Подобного ужаса я не испытывал за всю свою жизнь. Глаза у нее совсем черные, и мне каза-

лось, что я проваливаюсь в черную бездну. Я не чувствовал ни рук, ни ног и ничего совершенно не сознавал. Стало трудно дышать, а она все смотрела и смотрела мне в глаза... В какой-то момент я понял, что медленно теряю сознание, но не мог даже отвернуться...

– Это же была Мириам! Это она! – закричала горничная, вбегая в комнату.

– А кто это такая? – поинтересовался я.

– Это местная сказка для детей, – Генри презрительно пожал плечами и обратился к Лори, – а почему, собственно, вы не на кухне? И что означают эти ваши возгласы, а? Уж не то ли, что вы подслушивали?!

– Нет, нет, доктор, что вы! Я случайно шла мимо и услышала кусочек вашего разговора.

– Так что за сказка? – снова спросил я.

– Это не сказка, это правда! – горячо возразила Лори. – Это ведьма. Она живет в лесу, и почти никто из нашего города ее не видел. Она может взглядом убить человека. Бедный Дэвид, и как еще ты остался жив?!

– Лори! Или вы перестаете молоть чепуху, или идете на кухню, – сказал Генри.

– Но я только хотела спросить у Дэвида, какая она?

Дэвид помолчал, подумал и ответил:

– Я не помню ничего, кроме ее глаз... Кажется, у нее темные волосы.

– Она красивая?

Мы все засмеялись.

– Ну, Лори, нашли, что спросить! Дэвид, по-моему, был немного не в том состоянии, чтобы оценивать ее красоту, – сказал я.

Горничная обиженно поджала губы.

– Во всяком случае, говорят, что Мириам очень красивая.

– Милая Лори, если вы сейчас вместе со своей прекрасной ведьмой не отправитесь на кухню, – произнес Генри.

– Хорошо, я уйду. Только смотрите, как бы вам не пришлось потом раскаяться. Ведьма шутить не любит.

И она ушла. Я спросил:

– А что было дальше?

Дэвид продолжил рассказ:

– Не знаю, сколько времени мы так стояли. Потом она отвела глаза. Я начал понемногу приходить в себя, и тут она подняла руку с ножом. Я, кажется, закричал и бросился бежать, не разбирая дороги и ничего не видя перед собой. Но когда оглянулся, увидел, что она все еще стоит и смотрит мне вслед. Я помчался, подгоняемый страхом, еще быстрее. В темноте мне всюду чудилась она. Я и не заметил, как перебрался через болото, выбежал из леса и оказался в саду. Тут я снова оглянулся – она все так же стояла у стены того дома... Больше я ничего не помню...

– Да-а, – протянул я. – Как же вы ночью на таком расстоянии могли ее видеть?

– Не знаю. Может быть, мне это уже показалось. Но я ви-

дел ее так, как если бы она стояла у меня за спиной.

– Послушайте, – сказал Генри, – а вы вчера ничего крепкого не пили?

Дэвид обиделся.

– Не пил, – буркнул он.

Заглянула Лори и объявила:

– Пришла миссис Вилингс!

Мать Дэвида – полная миловидная женщина – вбежала в комнату и бросилась к сыну.

– Что с тобой случилось? Доктор Крон, скажите мне правду, что у него с ногой?

– Ничего страшного, обыкновенный вывих.

– Ой, я только что от сестры приехала, а мне соседи говорят: «Ваш сын встретил Мириам, и она ему ногу сломала».

– Нет, мама, Мириам не ломала мне ногу, я сам ее вчера вывихнул.

Дэвид стал рассказывать о ночном происшествии, и мы вышли, чтобы им не мешать. Миссис Вилингс оказалась очень эмоциональной женщиной. Мы даже в коридоре слышали, как она вскрикивала в особо страшных местах рассказа и ругала то Линду, то ведьму. Ведьме, конечно, доставалось больше. Она осыпала ее такими проклятиями – я бы не хотел оказаться на месте этой Мириам.

– Интересно, как миссис Вилингс так быстро узнала? – спросил я.

– О, ты не знаешь нашу Лори! За те десять минут, когда

мы ее выгнали, она успела обежать весь Манхатан и со всеми поделиться подслушанным рассказом... Мне даже неудобно, – Генри в замешательстве почесал бороду, – пообещали Дэвиду никому ничего не говорить, а я совершенно забыл про эту болтушку. Она вечно подслушивает.

– Ну, и что ты обо всем этом думаешь? – поинтересовался я.

– Скорей всего, большую часть истории парень сам выдумал. Но может, что-то было и на самом деле, а что-то ему померещилось, не зря же он потерял сознание

– А конкретнее? Что именно, ты считаешь, было?

– Если хочешь, давай сходим в лес вместе с Дэвидом, он покажет, где это все происходило, и мы тогда подумаем на месте, – предложил Генри.

Я с ним согласился. Дэвид с матерью вскоре ушли. Мы решили сходить в лес завтра, сегодня он должен был еще отдохнуть.

II глава.

Оставшиеся полдня у нас прошли в обсуждении ночного события. Для людей такой серьезной профессии это, конечно, недопустимое времяпрепровождение. Я дополнил свое высшее образование знаниями о жизни ведьм. Лори меня просветила. Оказывается, вчера ночью был праздник у нечистой силы. В это время лучше вообще не выходить из дома,

чтоб не было беды. Конкретно о Мириам я узнал мало, зато выяснил отношение городка к ней. Имя «Мириам» знали все. Кто-то был убежден, что она существует, боялся ее и относил почти все неудачи к ее проделкам, а кто-то, в том числе и Генри, смеялся над такими рассказами.

– Ночью Мириам ходит по улицам и ищет, кому бы навредить, – рассказывала горничная. – Подойдет к какому-нибудь дому и тихо постучит в дверь или же веткой в окно. Если люди откроют ей, то, значит, впустят зло в дом. Потом с ними случаются всякие несчастья. Вот, совсем недавно у Грейсонов корова пала, а еще раньше пожар был у одной семьи. И говорят, что незадолго до этого к ним кто-то постучал в дверь. Они открыли, но никого не увидели, представляете? А в этот самый момент ведьма-то и пробралась к ним в дом!

– М– да, – произнес я, не зная, что еще можно сказать.

Лори испуганно глядела на меня, прижимала руку к груди и повторяла:

– О, я так взволнована этим ужасным случаем! Я так боюсь! Доктор Фрэдбер, как вы думаете, нам ничего не грозит? Ведь теперь и мы к этому причастны.

– Конечно, грозит, а как же! – засмеялся Генри, – ведьма уже занесла свою страшную руку, чтобы постучать в нашу дверь.

– Вы все издеваетесь, доктор Крон! Но когда-нибудь вы поймете, что я была права!

Потом Лори вспомнила про еще один важный факт:

– А неделю назад недалеко от заброшенного сада нашли мертвую бездомную собаку. И чем только помешало ведьме бедное животное?!

– Ну, уже и собака не может сдохнуть без вмешательства ведьмы! – возмутился мой друг, – Лори, у вас слишком богатое воображение. Может быть, вам лучше заняться обедом и не забивать голову всякими глупостями?

Лори снова обиделась и ушла на кухню.

– Что-то она начинает меня раздражать, – заметил Генри, когда за ней закрылась дверь.

– А по-моему, она даже немного забавная в своем роде, – возразил я. – Но если тебя раздражает, так выгони ее и найми другую.

Генри почесал бороду.

– Понимаешь, она прожила в этом доме всю свою жизнь, почти в десять раз больше, чем я. Еще ее мать работала у моего деда, и Лори практически выросла здесь. Дед всегда хорошо к ней относился. Кроме того, она превосходно готовит... Нет, выгонять я ее не буду, и она, плутовка, это знает. Конечно, голова у нее занята всякими сплетнями и выдумками, но что поделаешь? Женщины есть женщины.

Я рассказал Генри про то, как Лори забыла у меня свою пудреницу. Он засмеялся и сказал:

– Ну, все, ты ей понравился!

– С чего ты это взял?

– Она так изменилась после твоего приезда. Начнем хотя

бы с того, что раньше мою горничную не слишком беспокоил ее внешний вид. Она редко делала прическу и могла целый день ходить растрепанной. Мне это было неважно, лишь бы она хорошо готовила и делала, когда нужно, уборку. А тут вижу – Лори стала подкрашивать брови, пудрить нос, и от нее даже несет какими-то отвратительными духами. Кроме того, она теперь такая вежливая, внимательная, предупредительная... Раньше она целыми днями только ворчала.

Я усмехнулся.

– Может быть, она стесняется чужого, незнакомого человека. Ей просто неудобно ходить передо мной растрепанной и неопрятной.

– Ну, может, и так. Черт их, женщин, разберет... Пойдем-ка лучше прогуляемся!

Я отправился в свою комнату, чтобы взять пиджак. Мне вдруг вспомнились слова сумасшедшей старухи в дилижансе и, спустившись в гостиную, я спросил:

– Послушай, а правда, что из Манхатана сбежал пастор?

– Уж не знаю, шел он или бежал, но церковь действительно сейчас закрыта, пока не пришлют нам нового священника, – ответил Генри и достал с полки шляпу.

– А почему ушел этот?

– Если хочешь, спроси у Лори, я не в курсе... А отчего это тебя так интересует?

– Хм, мне попалась странная попутчица, когда я ехал сюда, старая дама, которая утверждала, что Манхатан – это

«царство тьмы», проклятое место и что пастора кто-то тут напугал до полусмерти.

Генри слушал меня со скептической миной на лице.

– Роберт, может тебе лучше пойти на прогулку не со мной, а с Лори? У вас одинаковые темы для бесед.

Я пожал плечами и вышел на улицу, чувствуя досаду, что затеял об этом разговор.

Утром мы втроем, вместе с Дэвидом, отправились в лес. Было решено идти через сад, так, как шел накануне Дэвид. Дом Линды Петерсон стоял в стороне от нашей улицы, за холмом. Когда мы проходили мимо него, во двор вышла миссис Петерсон. Она окликнула нас. Мы поздоровались, и Генри спросил, как продвигаются ее дела по продаже пряжи. Она ответила, что как раз позавчера отвозила заказ в Биллингтон. По дороге назад их дилижанс поломался, и поэтому домой она вернулась поздно ночью.

– А где Линда? – спросил Дэвид.

– Дома, конечно. А где же ей еще быть? – ответила миссис Петерсон, как ни в чем не бывало. – Позвать ее?

– Да нет, не надо. Потом...

Получалось, что матери Линды не было дома в тот вечер, и она ни о чем не знает. Попрощавшись, мы направились дальше в сад. При дневном свете я смог его, наконец-то, лучше разглядеть. Действительно, высокая железная ограда в некоторых местах была нарушена, сохранился только каменный бордюр, поросший мохом. Мы перешагнули через него в том

месте, где указал Дэвид, и пошли к буковой аллее. Такого запустения, признаться, я не видел давно. Ветки деревьев, кусты все сплелось в какие-то непроходимые заросли. От когда-то широких дорожек остались еле заметные тропинки. То тут, то там дорогу преграждали лежащие на земле старые сухие сучья, а в одном месте даже целое дерево, поваленное ветром. Небольшой пруд был засыпан опавшей листвой. В конце аллеи виднелись темная крыша и башни особняка.

С большим трудом мы нашли место, где Линда свернула с дорожки. Нам с Генри совершенно не хотелось рвать себе одежду, пробираясь через терен, поэтому мы обогнули кусты и вышли на тропинку немного дальше. Чтобы попасть в лес, нам снова пришлось перебираться через бордюр, но уже с другой стороны сада.

Пока мы шли через лес, Дэвид припоминал подробности ночного путешествия. Яркое светило солнце, слышались птичьи трели. Даже не верилось, что здесь может быть что-то страшное. Рассказ Дэвида звучал совсем неправдоподобно на фоне благоухания цветов и трав, пения птиц и пляски солнечных бликов на нашей дорожке. Правда, иногда встречались мрачноватые участки леса. Там деревья росли кривыми, словно под бременем какой-то тяжести. Тонкие молодые клены прямо нависали над землей.

Незаметно разговор перешел на Линду.

– Миссис Петерсон с ней совсем не может справиться, – сказал Дэвид, – тогда как раньше Линда всегда беспреко-

словно ей подчинялась. Я не могу понять, что с ней случилось. Она стала по вечерам одна уходить куда-то из дома. Прихожу к ним, а Линды нет. Я как-то спросил у миссис Петерсон, почему она отпускает дочку так поздно одну. Она ответила: «Да разве ее удержишь?!» Отец у Линды умер семь лет назад, а мать всегда ее баловала...

– А как давно Линда так изменилась? – поинтересовался Генри, – быть может, это связано с каким-то событием?

– Примерно месяц назад. Как раз у Линды был день рождения, ей исполнилось пятнадцать. Было много гостей, устроили большой праздник, даже какие-то родственники из Биллингтона приехали. И вот вечером, в самый разгар праздника, Линда исчезла. Это заметили не сразу: подруги Линды были заняты какой-то игрой, мать развлекала гостей. Мне тогда пришлось рано уйти домой, я плохо себя чувствовал. И поэтому, когда обнаружили, что Линды нет, то все решили, что она пошла меня проводить и задержалась. Потом, чтобы избежать лишнего шума, миссис Петерсон объявила родственникам и подружкам, что Линда уже дома, но что она очень устала и легла спать. Но через час она всерьез заволновалась и, незаметно оставив гостей, прибежала к нам. Мы с ней обошли все окрестности, но Линды нигде не было...

Наутро, как ни в чем не бывало, она сама вернулась домой. Свое исчезновение Линда объяснила тем, что из-за чего-то обиделась на подруг и ушла во двор. Там она вдруг почувствовала себя усталой, присела под деревом отдохнуть,

заснула и проспала до утра. С этого, пожалуй, все и началось. Хотя я совсем не верю ее рассказу. Миссис Петерсон, как мне кажется, знает правду, но мне они не хотят ничего говорить.

Мы приближались к болоту. Вместо сосен, дубов и кленов тут росли низенькие, чахлые ивы и ольха. Ветки кустарников так тесно переплелись между собой, что свернуть вправо или влево было невозможно. Вскоре мы вышли к восточному краю огромного болота. Лесная тропинка обрывалась не сразу, ее продолжением были несколько кочек, поросших травой. А дальше начиналась большая ровная полянка, как это могло показаться на первый взгляд. Но Генри объяснил мне, что на самом деле это и есть та страшная топь, где уже погибло много скота, и где прошлым летом утонул человек. За поляной виднелся берег острова, который местные жители называли Старым лесом. Добраться до него мы не видели никакой возможности, хотя от нас его отделяли какие-то сто метров. В нескольких местах на поляне чернела вода.

– Будь осторожен, – предупредил меня Генри, – если случайно сойдешь с тропинки, то можешь быстро увязнуть с головой. Не понимаю, как Дэвид мог здесь пройти. Насколько мне известно, после человека на болоте должны оставаться следы, заполненные водой. Здесь же ничего похожего я не вижу.

– Ну, может быть, я перешел топь где-нибудь в другом месте, я не помню, – пробормотал юноша.

– Я не думаю, что существует другая тропа, – невозмутимо ответил Генри. – Ну, тут больше нечего делать, нам пора возвращаться. Дорога длинная, и мы можем не успеть на ланч.

Мы повернули обратно. К ланчу мы действительно опоздали из-за того, что немного заблудились в лесу. Генри предложил мне пойти в трактир.

– Домой спешить уже нет никакого смысла, – сказал он, – Лори всегда готовит легкую еду к двенадцати часам, а потом ложится спать. Сейчас уже два. Если мы посягнем на ее священное право отдыха, то сами будем не рады. Она будет ворчать до вечера, и ужин у нее подгорит или не дожарится. Лучше навестим старушку Мэри.

Мы проводили Дэвида домой, и отправились в трактир, который был на соседней улице. Он представлял собой небольшое здание, выкрашенное в грязно-желтый цвет, и назывался «Сероглазая Мэри». Внутри на втором этаже находилось четыре комнаты для постояльцев, а на первом – зал с длинными столами вдоль стен. В дальнем углу горел камин. У стойки стояла женщина невероятной полноты с красным носом и грубыми чертами лица. На правом глазу у нее была черная повязка.

– Это хозяйка трактира, Мэри, – сообщил Генри, – трактир когда-то принадлежал ее мужу. Он назвал его в честь Мэри, так как, если верить слухам, в молодости она была даже немного симпатичной. Потом ее муж умер, ей в какой-то

драке выбили глаз. Теперь этот трактир все зовут «Одноглазая Мэри».

Мы сели поближе к камину и заказали ростбиф с жареным картофелем, салат и бутылку портвейна. После пятичасовой прогулки у нас не на шутку разыгрался аппетит. Потом Генри вытащил из кармана трубку, набил ее табаком и закурил, погружившись в какие-то свои мысли. Я от нечего делать принялся рассматривать трактир. Все здесь казалось очень старым и ветхим: и столы, и шкафчик с бутылками вина позади стойки. Над шкафчиком висело чучело кабаньей головы, уже изъеденное молью.

Близился вечер, и в трактир после дня, полного труда и забот, по одному, по два начали сходиться горожане. Они шумно приветствовали друг друга, усаживались небольшими компаниями за столы, слышались шутки и здоровый дружный смех. К нам никто не подсаживался и даже не пытался заговорить, хотя все мужчины обязательно здоровались с Генри и учтиво кивали головой мне.

Так же, как и мы, в стороне от общего веселья сидел еще один человек. Судя по одежде и манерам, это был какой-то богатый аристократ. На манжетах рубашки, выглядывавших из пиджака, сверкали брильянтовые запонки. А рядом с его столом стояла восхитительная трость в виде обвившейся вокруг дерева змеи. Ее позолоченная голова с изумрудными глазами служила набалдашником. Возраст приезжего определить было трудно, но, понаблюдав за ним некоторое время,

я пришел к выводу, что ему не больше 40-45 лет, поскольку седины в его темных волосах не заметил. У него было гладко выбритое лицо, тонкий острый нос с горбинкой, живые черные глаза и огромный широкий лоб, свидетельствующий о незаурядном уме.

Трактирщица Мэри всячески пыталась ему угодить, и все время подсылала свою помощницу узнать, не надо ли чего-нибудь еще. Он улыбался девушке и отвечал:

– Большое спасибо, но пока ничего не нужно.

Произносил он это как-то странно, не так, как все. То ли у него был небольшой акцент, то ли наречие, я не мог понять, в чем дело. «Наверное, он иностранец», – решил я.

Тем временем в трактир вошел очень высокий и худой мужчина с ружьем за плечом. Его встретили громкими возгласами.

– Джо, иди к нам, старик!

– Как охота, Джо?!

– Иди сюда, расскажи нам свою сказку про волка!

– Сейчас, ребята, дайте горло промочить, – ответил он.

– Одно другому не мешает. Эй, закажите кто-нибудь ему пива! А ты иди и садись с нами.

Джо уселся за столик, который занимала самая шумная компания, и несколькими глотками осушил поднесенную ему кружку.

– Ну, давай, рассказывай, – снова попросил его кто-то, и все засмеялись. – Джо, здесь есть такие, кто еще ни разу не

слышал.

– Ты, Фрэнк, уже слышал, да и вы, ребята, тоже. Я не хочу больше рассказывать. Вы мне не верите, а только смеетесь.

– Джо, мы обещаем, что не будем смеяться, мы поверим всему, что бы ты ни сказал!

– Джо, я поверю, даже если ты скажешь, что у моей жены выросли рога! – воскликнул Фрэнк, и весь трактир опять разразился хохотом.

Джо обиженно махнул рукой и поднялся, чтобы уйти. Но его усадили обратно, принялись уговаривать, и он, наконец, согласился рассказывать.

– Когда-то, не очень давно, я охотился на зайцев. Джилли не сразу взяла след, нам пришлось зайти довольно далеко. Попался старый опытный русак, который заставил нас побегать. Распутывая его петли, мы минули три оврага и даже перешли вброд ручей. Вам всем известно, что я знаю лес, как свои пять пальцев, и никого и ничего не боюсь в лесу. А тут на меня что-то такое нашло... Все казалось, что случится какая-то неудача у меня...

Вот, идем мы, значит, идем, и вдруг Джилли остановилась, как вкопанная, и зарычала, а потом трусливо прижалась к моим ногам. Я поднял голову и в десяти шагах от себя увидел огромного – вот такого – волка, – Джо показал рукой выше стола. – Из раскрытой пасти клыки торчат; а глаза у него не желтые, как у всех волков, а, словно угли, горят красным огнем! Ей-богу! Он взглянул на меня, повернулся и

прыгнул в кусты. Еще несколько секунд трещали ветки, потом все стихло... А на меня такой столбняк напал – ни рукой, ни ногой пошевелить не могу. Ну, потом потихоньку отпустило, и я бегом помчался домой. Вот и все... Дайте мне еще выпить, только чего-нибудь покрепче.

Насмерть перепуганная его историей девушка подала ему стакан виски.

– Да, Джо, мы тебе верим, – сказал Фрэнк и захихикал, – волк с красными глазами?!

– Да, а что?

– Ну, парень, ты все же ври, да не завирайся! Нет у нас в лесу ни волков, ни красных глаз!

Спор продолжался. Джо горячился, пытался что-то доказывать, а Фрэнк подтрунивал над ним и все время подливал ему виски. Все вокруг только посмеивались. Видимо, Джо считали здесь чудачком.

– А волк тебе ничего не сказал, Джо? – спрашивал Фрэнк.

– Ничего.

– А он не сказал тебе, что если ты будешь столько пить, то у тебя самого глаза будут красные в зеленую полоску?

– Да я не пил тогда ничего! И вообще я никогда не пью!

– Никогда?

– Никогда! Ну, по крайней мере, не напиваюсь так, как ты.

– Неужели? Ты хочешь сказать, что и сейчас ты трезв?

– Ну, конечно!

– Да ведь ты уже и встать из-за стола не можешь.

– Могу! – Джо действительно встал и, шатаясь, сделал несколько шагов.

– Фрэнк! – заорал он, – не шатай мне пол, это не честно!

– Ты просто пьян, Джо, и тогда ты был пьян, и волк тебе привиделся.

– Я тебе сейчас покажу, кто из нас пьян!

Генри дернул меня за рукав.

– Пошли, нам необязательно принимать участие в драке.

Только мы успели выбраться на улицу, послышался грохот опрокидываемых столов и крики. Тут же на крыльцо выбежала помощница Мэри и замахала нам рукой.

– Доктор Крон! Господа, подождите!

– Что случилось?

– Там одному джентльмену бутылкой голову разбили. Хозяйка просит вас, доктор, посмотреть его.

– Нет, нет, не надо беспокоить господина доктора, – с этими словами из трактира вышел так называемый «иностранец» с тростью. Он прижимал платок ко лбу. – Это всего лишь маленькая царапина.

– Позвольте, я все же взгляну, – попросил Генри.

Осмотрев лоб «иностранца», он удовлетворенно кивнул:

– Действительно, легкая царапинка. Даже кровь уже не идет.

– Большое спасибо, сэра. Так вы врач?

– Да. Генри Крон, всегда к вашим услугам. Мой друг – тоже доктор, – ответил Генри.

– Роберт Фрэдбер, – представился я.

– Я очень рад познакомиться с вами. Мое имя – Ричард Бэтнуар, – ответил «иностранец», пожимая наши руки.

– Как? Ричард Бэтнуар? – в замешательстве произнес Генри.

– Да-да. А что такое? Хотя я понимаю, вы, вероятно, что-то слышали о моем прадеде, точнее о прапрадеде, которого звали так же, как и меня? Он, кажется, много натворил в вашем городе.

– Прошу меня извинить... Я действительно кое-что слышал о вашем прадедушке, и поэтому... э-э-э был несколько удивлен, – смущенно сказал мой друг.

Я поинтересовался, надолго ли он приехал.

– Посмотрю, как сложатся обстоятельства, – уклончиво ответил мистер Бэтнуар. – У меня здесь, если можно так выразиться, фамильное родовое гнездо. Мой прадед жил в особняке, что стоит возле леса. Вы, вероятно, знаете: вокруг него разбит огромный старый парк. Но я, конечно, не собираюсь там селиться. Ведь там все сейчас в ужасном состоянии.

– Позвольте узнать, где же вы остановились? – любопытствовал Генри.

– Пока что мне приходится жить в гостинице. Но я уже купил небольшой скромный домик в другом конце города (в нем, кажется, раньше жил пастор) и нанял рабочих, которые сделают ремонт...

– Сэр, Вы купили дом пастора? А если приедет новый? – невольно вырвалось у меня.

Мистер Бэтнуар как-то странно взглянул на меня и, усмехнувшись, уверенно произнес:

– Нет, нового вам пока не пришлют.

Мы шли втроем по направлению к нашему дому. «Иностранец» (который на поверку оказался чистым англичанином) решил нас проводить. По дороге он рассказывал нам о себе. Выяснилось, что он очень много путешествовал, занимался в основном изучением естественных наук: химии, астрономии и физиологии и охотой. Во Франции и в Германии он даже читал лекции в университетах.

– Значит, вы профессор? – спросил я, у меня всегда такое ученое звание вызывало особое уважение.

– Да. Но сейчас меня больше увлекает непосредственно анатомия. Я изучаю свойства человеческого мозга, его возможности. И, вы знаете, я прихожу к выводу, что они огромны. Хотя о большинстве из них человек даже не догадывается.

Я приготовился услышать нечто необычное и увлекательное, но мистер Бэтнуар вдруг стал сыпать какими-то совершенно мне неизвестными терминами, и, как я не пытался разобраться, к своему стыду, ничего понять не смог. Генри предложил ему зайти к нам в гости. Профессор отказался, сославшись на то, что нужно посмотреть, как идет ремонт, но пообещал нагрянуть к нам завтра.

За ужином я спросил у Генри, что он знает о прадеде мистера Бэтнуара.

– О, это из того же семейства, что и наша знакомая – ведьма Мириам. Лори мне тут рассказывала о прошлом Манхатана. Когда-то давно здесь жил колдун с таким именем. (У Лори удивительная память на все услышанные в детстве сказки). Днем он жил, как обыкновенный человек, в своем замке, ну, в том особняке возле леса, а ночью творил свои черные дела. В общем, он делал золото, насылал бури, похищал местных красавиц, убивал тех, кто ему мешал, ну, и так далее. Даже, кажется, пожирал маленьких детей. Одним словом – всякая чепуха. А потом что-то случилось, по легенде, кто-то более могущественный его изгнал и разрушил его замок.

Ужин был закончен, Лори разливала чай. Генри сообщил ей о том, что завтра у нас будут гости, и отдавал указания по дому. Все было тихо, мирно и хорошо. Но тут я совершил огромную ошибку, за которую сразу же и поплатился. Я спросил:

– Чем мы завтра займемся? Ведь мистер Бэтнуар, я полагаю, придет только вечером.

Лори, протягивала в этот момент мне чай.

– Что?! – вскрикнула она и уронила чашку мне на ноги. – Что вы сказали? Мистер Бэтнуар? Мистер Бэтнуар завтра придет к нам, сюда?!

– Да, именно так, – мстительно ответил я, слава Богу, она

успела добавить молоко и чай был не очень горячий.

– Лори! – громовым голосом произнес Генри, вставая, – еще одна подобная выходка – и я вас уволю!

– Я сама уволюсь и немедленно! Я не желаю больше и часа оставаться в этом доме! – закричала горничная. – Сперва ведьма, теперь этот дьявол! Нет, я больше не вынесу!

Генри явно не ожидал такого поворота событий.

– Лори, успокойтесь, – сказал он, но Лори не желала успокаиваться, – Лори, я пошутил, я не собираюсь вас увольнять.

– Я сейчас же уйду отсюда!

– Лори, подождите.

– Нет! Вы не сможете помешать мне спасти свою душу!

Генри упер руки в бока, нахмурил брови и очень сурово взглянул на горничную сверху вниз.

– Лори, во-первых, это совсем не тот Бэтнуар. Того колдуна уже давным-давно нет на свете. Это его очень далекий родственник. Во-вторых, он только что вернулся из Германии, и он абсолютно не похож на нечистую силу. Это очень умный и образованный человек из высшего круга, он преподавал в двух университетах, он профессор.

Лори недоверчиво смотрела то на Генри, то на меня. Затем, обернувшись ко мне, спросила:

– Доктор Фрэдбер, это действительно не тот Бэтнуар?

– Конечно же, нет! – ответил я.

– Ну, ладно, тогда я останусь, – сказала горничная и, вздохнув, стала убирать осколки разбитой чашки.

Профессор как истинный джентльмен пришел ровно в семь часов вечера, как раз, когда мы обычно садились за стол. Лори постаралась, и ужин получился великолепный. Но у нее самой был такой испуганный вид, словно она ожидала, что мистер Бэтнуар в любую минуту может вскочить и сделать что-нибудь ужасное. Он, видимо, заметил это и, когда Лори подавала ему бокал с вином, сказал:

– Генри, какая у вас милая горничная.

Лори с удивлением взглянула на него, но он ответил ей обаятельной улыбкой. Тогда она покраснела и быстро вышла из комнаты.

– Извините, Генри, мне надо было разрядить обстановку, а то она чувствовала себя как-то неуверенно в моем присутствии.

После ужина мы попросили мистера Бэтнуара что-нибудь рассказать о своих путешествиях. Он достал старинную черную трубку с монограммами «Р. Б.», закурил и начал увлекательное повествование о своей поездке в Индию. О том, как он, молодой, с друзьями охотился в джунглях на тигров, как он заблудился, тяжело заболел, и его выхаживали в деревне, о том, как в него влюбилась молодая индианка.

– Моя молодость была сплошным любовным романом... Конечно, я уже не тот, а жаль! – произнес профессор, вздохнув.

В этот момент ангельский голос пропел:

– Доктор Крон, прикажете подавать чай?

Мы обернулись и увидели нимфу с подносом в руках. Брови Лори стали черными, как уголь, щеки нарумяненные (на мой взгляд, чересчур), с виска кокетливо спускалась завитая прядь, на шею она повязала голубой платок, а поднос держала, оттопырив левый мизинец.

– Да, пожалуй, несите, – ответил ей Генри.

Лори ушла и через минуту вернулась, неся на подносе три чашки, чайник, молочник и сладости. Первому она налила чай мистеру Бэтнуару и поставила перед ним блюдечко с печеньем. Как плавно она двигалась, как грациозно наклоняла голову, с каким почтением она протянула ему чашку!

– Благодарю, прелестная леди, – низким бархатным голосом сказал ей профессор.

В ответ она прощebetала:

– Может, что-нибудь еще, сэръ?

– Спасибо, ничего. Мне не хочется вас утруждать.

Горничная повернулась, собираясь уходить.

– Лори, может, вы и нам нальете чай? – остановил ее Генри.

Лори ахнула, поспешно подала нам чай и вышла. Когда за ней закрылась дверь, мы все дружно рассмеялись.

Мистер Бэтнуар стал часто бывать у нас. Мы приглашали его с огромным удовольствием. Он был превосходным рассказчиком; кроме того, что он знал толк в охоте (как я уже го-

ворил), он еще оказался и заядлым рыбаком. Мы несколько раз втроем ходили на речку ловить рыбу и пару раз на охоту. Причем мистериу Бэтнуару удалось подстрелить двух зайцев. Но больше всего мне нравилось сидеть вечерами в гостиной и слушать его рассказы о дальних странах и о приключениях, которые бывали с ним. Я удивлялся, сколько всего может выпасть на молодость одного человека. Честно говоря, в этом смысле я даже завидовал ему.

Профессор любил поспорить с нами по вопросам медицины. Он выдвигал какие-то совершенно невозможные теории, а мы пытались их опровергнуть и, надо признать, это не всегда получалось. Иногда мистер Бэтнуар посвящал нас в тайны астрономии и рассказывал о своих наблюдениях. Особенно его интересовала Луна. Он считал, что она оказывает какое-то влияние на все существующее на земле: на растения, на животных, на камни и даже на человека. Он говорил о том, что видел в телескоп в атмосфере Юпитера большое красное пятно непонятного происхождения, что Марс, при определенном его расположении относительно Земли и Солнца, похож на каплю крови.

Через две недели ремонт дома мистера Бэтнуара был закончен. Он заглянул к нам вечером, чтобы пригласить на обед. Мы с Генри согласились и только уже собрались идти, как Лори доложила о том, что к нам по срочному делу пришла миссис Вилингс, и что она чем-то очень встревожена. Мы втроем спустились в гостиную.

– Здравствуйте, миссис Вилингс. Что у вас произошло? – спросил Генри.

– Господа, доктор Крон, Дэвиду так плохо! Он весь горит, а я не знаю, что делать. У него такой жар!

– Что? Дэвид заболел? И когда же это случилось?

– Вчера. Он вчера вечером ушел в лес, а вернулся уже поздней ночью, весь в грязи. Сказал, что провалился на болоте. Я так испугалась за него!

– Как, Дэвид снова был ночью на болоте?! – воскликнул я в удивлении.

– Да, доктор Фрэдбер. А утром у него начался жар.

Мы пообещали профессору, что придем к нему сразу же, как только освободимся, и отправились к миссис Вилингс.

У Дэвида была сильная лихорадка. Генри дал ему лекарство и вышел из комнаты, чтобы поговорить с его матерью. Когда мы остались одни, я спросил у юноши:

– Дэвид, зачем же вы опять пошли ночью в лес, да еще и на болото?

– Я хотел найти ее.

– Кого? Линду?

– Нет... Мириам, – ответил он и отвернулся к стене.

Тут появился Генри, стал его осматривать, попытался тоже что-то выяснить, но Дэвид буркнул, что он не желает об этом говорить, и потом все время молчал.

– Ну, как там ваш больной? – поинтересовался профессор за обедом.

– Плохо, – мрачно ответил Генри, – лихорадка, к тому же еще и нервное расстройство.

Мы рассказали мистеру Бэтнуару про встречу Дэвида с ведьмой. Выслушав все, он удивленно присвистнул:

– Оказывается, и здесь, в вашей глуши, можно найти что-то необычное.

– А что еще вы думаете по этому поводу? – решил полюбопытствовать я. – Вы верите, что в лесу есть ведьма?

– Ну, я не знаю. Вполне возможно, что в лесу живет какая-нибудь одинокая старушка. Дэвид мог встретить ее, а потом ему померещилось, что у нее в руке нож.

– Но она совсем не старушка. Люди говорят, что Мириам молодая и красивая.

– Как интересно! – воскликнул профессор, и глаза его заблестели. – Но тогда я не понимаю, зачем молодой женщине, если только и в самом деле она не ведьма, жить в лесу.

Тут Генри не выдержал:

– О чем вы говорите?! Ладно, Роберт еще почти мальчишка, но вы, профессор, неужели вы можете всерьез говорить о существовании ведьм или какой-нибудь еще нечистой силы? Ведь современная наука это отрицает.

Мистер Бэтнуар откинулся на спинку кресла и расхохотался.

– О, дорогой мой Генри, вы хотите, чтобы я отрицал собственного прадедушку? Современная наука! Да она находится на уровне развития пятилетнего ребенка. Генри, не будь-

те сухарем! Завтра ночью мы втроем отправляемся в лес на свидание с прекрасной молодой ведьмой.

– Ночью?! – переспросил я.

– Да, мой друг, именно ночью. Мы найдем ее, приведем сюда и попросим продемонстрировать свои способности.

– Но профессор, это же ребячество. Да еще и ночью! – попытался воспротивиться Генри.

– Генри, если вы отказываетесь, значит, вы верите в ведьму и боитесь ее.

– Я ничего не боюсь, но это просто смешно!

– А раз не боитесь, значит, завтра в десять вечера я к вам зайду. Будьте готовы. Советую одеться потеплее и взять какую-нибудь еду. Договорились?

– Ну ладно, ладно. Хотя это и глупо, – согласился Генри, наконец.

Лори, узнав о предстоящем походе, пришла в ужас. Целый день она уговаривала нас одуматься и не совершать самой большой ошибки в своей жизни. Она всюду нас преследовала, вмешивалась во все наши занятия и твердила, что ведьма не потерпит такой наглости, что она или убьет нас троих там же, в лесу, или будет мстить потом. В конце – концов, она так надоела и мне, и Генри, что мы накричали на нее вдвоем, после чего она успокоилась, но наотрез отказалась собирать провизию нам на ночь, и Генри пришлось самому готовить бутерброды.

Вскоре пришел мистер Бэтнуар, и мы отправились в лес.

Ночь была восхитительная. Я еще никогда не видел столько звезд на небе. В городе было удивительно тихо, пока мы шли по улице, не залаяла ни одна собака. Уважая чувства профессора, в этот раз мы не стали перелезать через ограду его сада, а обошли вокруг.

Та же странная тишина царила и в лесу. Даже ветер не колыхал верхушки деревьев. Мне показалось, что лес встречает нас как-то настороженно, словно не знает, что можно ожидать от поздних незваных гостей.

– Послушайте, – сказал профессор. – По-моему, нам совершенно незачем бродить в темноте по лесу, попадать в какие-нибудь ямы или овраги и ломать себе ноги. Я предлагаю расположиться на маленькой уютной полянке, которую во время нашей последней охоты я видел где-то неподалеку, разжечь костер и немного перекусить. Должен вам сообщить, что я захватил бутылочку превосходнейшего бренди. Ну, как, вы принимаете мое предложение?

– С огромным удовольствием, – ответил Генри.

Мистер Бэтнуар, как бывалый охотник, прекрасно ориентировался в лесу и ночью. С его помощью мы быстро нашли поляну. Профессор правильно определил, что посылать за хворостом для костра меня или Генри бесполезно – мы бы и хворост не нашли и сами бы заблудились. Поэтому он пошел один.

Наверное, мы ждали профессора совсем недолго, но мне тогда показалось, что прошел целый час. С каждой минутой

мне все больше и больше становилось не по себе. Как назло, вспомнился рассказ Джо про встречу с волком. Я разговаривал с Генри и старался не смотреть на темные зловещие заросли кустарника за спиной. Вдруг со стороны, куда ушел профессор, через поляну пронесся порыв ветра с такой силой и быстротой, что могучие деревья страшно затрещали, а несколько тонких берез склонились до самой земли. Не прошло и трех секунд, как снова все стихло.

– Генри, что это? Откуда мог взяться такой ветер? – воскликнул я.

– Не знаю. Где же профессор?

– Эй, мистер Бэтнуар! Где вы?! – закричал я. Никакого ответа. В этот момент снова про шумел над нами сильный ветер, но уже, кажется, в обратном направлении.

– Мистер Бэтнуар! – снова крикнул я.

Наконец послышался его голос:

– Сейчас иду! – и он появился на поляне с охапкой хвороста.

– Почему вы раньше не отвечали? У вас все в порядке? – спросил Генри.

– Все хорошо, друзья. Но какой был ветер! Какой ветер, а? Ну-ка, помогите мне: там, сразу за теми кустами еще несколько огромных сучьев лежит. Я не смог все сразу принести.

За всю ночь ветра больше не было. Мы сидели у костра, пили бренди и ели холодную ветчину с хлебом и сыром. Лес

вокруг снова стал тихим и торжественным.

– Посмотрите, какие яркие сегодня звезды! – произнес профессор, набивая трубку. – Они мне напомнили великолепную ночь, которую когда-то я провел в Персии. В саду великого шаха Музаффер-Эддина цвели фруктовые деревья, журчали фонтаны, и воды их сверкали отражением, быть может, вот этих самых звезд. Воздух был полон благоуханием тысячи роз... А для меня пела и танцевала одна из прекраснейших наложниц шаха.

– Подождите, вы были знакомы с персидским шахом?! – воскликнул я.

– Да, благодаря моему прадеду. Он помог отцу Музаффер-Эддина: раскрыл заговор его министров и отравил их всех вместе с главным визирем. Поэтому шах меня принял как дорогого гостя и даже подарил мне одну красавицу из своего гарема.

Генри презрительно передернул плечами. Мистер Бэтнуар этого не заметил и продолжил рассказ о прекрасной персианке с глазами дикой серны, о том, как она влюбилась в него без памяти, и он увез ее из дворца шаха. Закончил он предложением поднять бокалы за самое драгоценное, что есть на земле – за женщин. Мы выпили, но без особого энтузиазма. Я, видимо, еще мало знал жизнь, чтобы согласиться, что вот эти в основном глупые, болтливые, надоедливые, хотя и симпатичные существа – самое драгоценное на земле. Генри вообще презирал женщин.

– Не понимаю, как вы работали в университетах, ведь преподавание – дело серьезное, – пробормотал он.

Профессор засмеялся.

– А как вы думаете, Генри, почему меня оттуда уволили? Ах, эти юные студентки! Они смотрели на меня с обожанием и верили каждому моему слову, – и профессор снова пустился в воспоминания.

Когда мы покинули лес, уже рассветало. Никакой ведьмы мы, разумеется, не встретили. Простившись с мистером Бэтнуаром, мы пошли домой.

– Роберт, какое у тебя впечатление о профессоре? – спросил меня Генри.

– А что такое?

– Мне он уже порядком надоел со своим стадом влюбленных в него индианок, персиянок и юных студенток... По-моему, в нем есть что-то непорядочное, несмотря на всю его ученость и могучий интеллект.

Мы постучали в дверь. Лори открыла нам и радостно воскликнула:

– О, вы живы! Вы вернулись! А... мистер Бэтнуар не с вами? Он не захотел у нас позавтракать? Как жаль!

– Тьфу, будь ему неладно! Как же все-таки он умеет нравиться женщинам, этот черт! – выругался Генри.

III глава

После той ночи профессор долго не заходил к нам. У Генри было много работы, и поскольку мне тоже нужна была хоть какая-то практика, то на несложные случаи он отправлял меня. Поначалу многие были недовольны этим и обижались, что «доктор Крон» сам не хочет к ним ходить, а посылает своего помощника. Но вскоре и меня всюду стали принимать с радушием.

В городе все было спокойно, ничего особенного не происходило. Вот только Дэвид Виллингс никак не мог поправиться. Миссис Вилингс попросила снова посмотреть его. Но в тот день, когда мы собирались навестить Дэвида, Генри вдруг срочно позвали к тяжело больной женщине, и мне пришлось идти одному. Мать Дэвида я встретил во дворе. Она очень мне обрадовалась и сразу повела в дом.

– Как хорошо, что именно вы пришли, доктор Фрэдбер! Вы должны как-то ему помочь. Вы же с ним одного возраста, может быть, вы сможете его понять, может, вам он доверится и скажет, что с ним такое. Он вроде бы и выздоровел, жара нет, – сообщала миссис Вилингс шепотом, так как мы уже находились в коридоре, – но он что-то такой бледный, так похудел! Он почти никуда не ходит, выйдет только вечером воздухом подышать чуть-чуть, на полчасика, и все. Сидит целыми днями в своей комнате, ничего не делает. А то, бывает, даже лежит, отвернувшись к стене, на кровати. Он постоянно такой грустный, мрачный. Представляете, он уже три недели совсем скрипку в руки не брал. Вам это ни о чем

не говорит, но я – то знаю! Он с ней раньше не расставался, она ему как невеста была. А теперь... Ну, идите к нему, поговорите с ним.

Когда я вошел в комнату, Дэвид сидел на кровати, подперев рукой голову, и смотрел в пол. Обстановка была довольно скромной. Потертая старая мебель: шкаф, стол, стул, полочка с книгами, на стене – маленькая картина с осенним пейзажем. Над кроватью висела скрипка. Я слышал, что отец Дэвида много пил и почти все время проводил в трактире. Семья бедствовала.

Я осмотрел Дэвида, спросил о здоровье. Он ответил, что чувствует себя хорошо, и попросил передать матери, что с ним все в порядке. Я видел, что, хотя он и рад мне, но хочет все же, чтобы я поскорее ушел. Выглядел он плохо. На похудевшем осунувшемся лице не было ни кровинки, только лихорадочно блестели глаза. Что-то мучило его и не давало покоя.

Я осторожно начал расспрашивать, отчего у него такое плохое настроение? Почему он никуда не выходит? Упомянул как бы невзначай, что на днях встретил Линду на площади (хотя на самом деле это была неправда). Он ответил, что не хочет больше ничего слышать о ней.

– Ну, возможно, пройдет какое-то время.., – начал было я. Но Дэвид вдруг вскочил и закричал на меня:

– Что вы все пристали ко мне?! Что вам всем от меня надо?! Уходите, оставьте меня, наконец!

Я не заставил себя просить дважды и вышел, пожав плечами. «Действительно, у бедняги нервное расстройство или еще хуже – умопомрачение. Прав был Генри», – думал я. Только я успел немного отойти от их дома, как Дэвид догнал меня.

– Доктор Фрэдбер, подождите! Простите меня, я не хотел вас обидеть. Я совсем не соображаю, что делаю и что говорю. Мне сейчас очень плохо...

– Ладно, я не обиделся... Дэвид, с вами действительно что-то происходит. Я хотел бы помочь вам, но ведь вы мне ничего не рассказали.

– Мне сложно это объяснить, но я попробую... Может, вернемся ко мне, посреди улицы как-то неудобно разговаривать, – предложил он.

Я согласился, и мы снова пошли в его комнату. Дэвид сел на кровать, кивнул мне на стул рядом, помолчал, собираясь с мыслями.

– Что там мама обо мне говорила? – спросил он.

– Что вы очень изменились.

– Да, так оно и есть.

– В чем же причина? Что с вами случилось?

– Я и сам толком не знаю, доктор Фрэдбер. Понимаете, после того случая в лесу я не нахожу себе места. У меня часто возникает ощущение, словно я забыл что-то важное, упустил, потерял... А вспомнить никак не могу.

Я похлопал Дэвида по плечу.

– Ну, друг мой, неужели вы до сих пор находитесь под впечатлением от этой встречи?! Прошел целый месяц, давно уже надо было взять себя в руки и перестать о ней думать.

Он покачал головой.

– Нет, я не могу не думать. Взгляд Мириам я, наверное, буду помнить всю жизнь... Меня даже как-то тянет в лес, к ней. Мне хочется, чтобы она еще раз на меня так посмотрела. И страшно, и тянет... Вечером, в темноте она мне часто мерещится. Вы будете смеяться, но я уверен, что она заколдовала меня, какое-то заклятье наложила... и, скорее всего, я скоро умру.

– Да что вы?! Это же глупости, бабьи сказки! Дэвид, не смейте так говорить! Вы же умный человек, как вы можете верить в эту чушь?! – воскликнул я.

Дэвид грустно улыбнулся.

– Сперва я тоже пытался себя в этом убедить. Не помогает... Да и чувствую я себя действительно неважно. В груди как будто огнем печет, а вот здесь, слева, порой даже сильно болит, – он показал туда, где находится сердце. – Раньше такого никогда не было, вот почему я решил, что скоро мне придет конец.

– Да нет же, Дэвид! У многих людей болит сердце, но это еще не значит, что они должны умереть. Будете принимать лекарства, и все пройдет.

– Хорошо, если бы так. Только, прошу вас, ничего не говорите мистеру Крону о моих опасениях, а то он меня засме-

ет. И моей матери лучше поменьше об этом знать.

– Не волнуйтесь, я никому не скажу. Хорошо, что вы доверились мне. Может быть, я что-то еще могу для вас сделать?

– Да, наверное, – Дэвид замялся в нерешительности. – Мне, право, неловко Вы знаете, я сказал, что не хочу ничего слышать о Линде, потому что на самом деле мне очень нужно кое-что о ней узнать... Линда продолжает с кем-то встречаться в лесу. Я следил за ней целую неделю, и каждый вечер она куда-то уходила по той же тропинке, что и тогда. Я уже боюсь за нее. Почему они прячутся от всех? Почему они видятся ночью? Я не могу ничего понять, иногда такие мысли лезут в голову... Но нет, Линда не такая! Она не способна на это. И главное, ее мать разрешает ей ходить, а уж миссис Петерсон не допустит чего-то плохого. Но все это очень странно...

Мне кажется, что Линда попала в какую-то беду, вот только в какую? Самому мне этого не узнать, порой я думаю, что именно от меня они скрываются... Но я должен ей помочь, может быть, даже спасти ее! Доктор Фрэдбер, прошу вас, поговорите с миссис Петерсон. А лучше – сделайте это вместе с доктором Кроном, она его очень уважает. Может, вам удастся выяснить, в чем дело!

Я пообещал Дэвиду все разузнать, и мы простились. Генри дома не было. Я отправился на кухню в поисках Лори или чего-нибудь съестного, но ни того, ни другого не обнаружил.

Из комнаты Лори доносился богатырский храп. Пользуясь нашим отсутствием, горничная решила вздремнуть, а мне, как назло, захотелось есть. Немного подумав, я пошел в трактир.

Там еще было совсем пусто. Мери занималась подсчетом прибыли. Я заказал себе пару сэндвичей и пиво и уселся один за длинный стол, продолжая думать о Дэвиде и Линде. Вскоре в трактир зашел Джо. Мне было скучно, и я обрадовался возможности поговорить с ним. Я пригласил его выпить по стаканчику вина.

– Извините, доктор Фрэдбер, но я спешу, а кроме того, я совсем теперь не пью ничего такого... даже вино.

Он попросил Мери зажарить ему к вечеру зайца, которого он убил, взял ветчину с хлебом и ушел.

– Прямо как одержимый стал, – сказала Мери, унося зайца на кухню.

Когда она вернулась, я спросил:

– А что с Джо случилось?

– Ну, вы помните, он рассказывал, что ему волк в лесу привиделся?

– И что дальше?

– Так все решили, что Джо врет, посмеялись над ним. А он ведь такой гордый, что просто ужас! Он обиделся и задумал убить того волка и притащить сюда, чтобы все поверили. Вот и ходит целый день теперь по лесу, выслеживает его.

– Джо – отчаянный парень. Я бы не решился в одиночку

охотиться на волка, – признался я.

Мери посмотрела на меня своим единственным глазом, как на полного идиота, и сказала:

– Так его же нету, доктор Фрэдбер. А вы что, всему поверили? Ну, надо же! Ха-ха-ха! – она хрипло засмеялась. – А еще ученый!

Я почувствовал себя довольно глупо и ушел домой.

Генри вернулся поздно, уставший. За ужином я передал ему просьбу Дэвида. Генри недовольно пожал плечами.

– У меня столько работы, а я должен выяснять, за кем там бегают эта вертихвостка. Как будто мне делать больше нечего! – сказал он, но, помолчав, добавил, – а впрочем, ладно. Дэвид все-таки хороший парень; раз он так страдает, надо ему помочь.

Перед сном я вдруг сообразил, что за месяц пребывания в Манхатане я еще ни разу не написал письмо родным. Мне стало стыдно, и я немедленно взялся исправлять свое упущение. Мама вместе с моей старшей сестрой и ее семьей жили в небольшом селении близ Йоркшира. Там прошло мое детство. Будучи студентом, я любил приезжать туда на каникулы и часами бродил по окрестным лугам и рощам, вспоминая своих друзей, наши игры и шалости.

Пришла Лори и принесла еще свечей.

– Вы письмо пишете, мистер Фрэдбер? – спросила она, заглядывая мне через плечо. – Наверное, своей невесте?

– У меня нет невесты. Я пишу маме и сестре.

– Нет невесты?! – переспросила Лори с удивлением. – Быть не может!

– Почему это не может?

– Ой, ну как же! Чтобы у такого умного, видного молодого человека и не было невесты! Не могу в это поверить! Или вы приехали в Манхатан за невестами?!

– Лори, я приехал сюда работать.

Она почему-то радостно засмеялась и ушла. Да, странная у Генри горничная.

Вскоре как раз подвернулся удобный случай зайти к миссис Петерсон. Дверь нам открыла Линда. Она совсем не была красавицей, но я понял, чем она так нравилась Дэвиду. Несмотря на свои пятнадцать лет, она была похожа на милую маленькую девочку, этакий нежный цветочек. Ее широко распахнутые, почти синие глаза еще смотрели на мир с ожиданием чуда. Тоненькие брови часто взлетали вверх от удивления. К небу устремлялся и кончик маленького аккуратного носа. Она приветливо улыбнулась, и на ее щеках появились симпатичные ямочки.

Мы прошли в дом. Сперва мы долго разговаривали на общие темы: о погоде, о новостях из Биллингтона. Перейти к ночным похождениям Линды оказалось очень сложно, так как сама она сидела рядом и что-то вышивала. Да и миссис Петерсон явно тяготило наше присутствие. Кажется, мы оторвали ее от дел. Наконец, Генри, как бы между прочим, сказал:

– Мне нужно в Биллингтон съездить, а я никак не могу вырваться: у меня сейчас есть несколько «тяжелых» пациентов, кроме того, Дэвид Виллингс в ужасном состоянии.

Рука Линды так и замерла над вышивкой.

– Что? Дэвид?! Что с ним такое? – воскликнула миссис Петерсон.

В ответ Генри назвал по-латыни одну из форм нервного расстройства. Как он, должно быть, и рассчитывал, это произвело сильное впечатление на дам.

– О, Боже! Бедный мальчик! Но что это значит? Это опасно? – разволновалась миссис Петерсон, видевшая в Дэвиде будущего зятя.

– Я пока не могу судить, насколько болезнь опасна, но сейчас он очень плох, – трагическим тоном произнес мой друг.

Его уловка удалась. Миссис Петерсон прямо с лица спала и накинута на дочь.

– Линда, почему же ты мне ничего не рассказывала?

– Я не знала, что он болен, – чуть слышно отозвалась та.

– Как – не знала? Как ты могла такое не знать?! Что у вас произошло?

Линда покраснела и укоризненно взглянула на мать, видимо, ей не хотелось обсуждать размолвку с Дэвидом при посторонних. Воцарилось неловкое молчание. Немного помявшись, она произнесла, обращаясь к нам:

– Здесь так душно. Извините, мне хочется выйти подышать свежим воздухом.

– Куда ты? – насторожилась миссис Петерсон.

– Я немного прогуляюсь.

– Линда, останься! Я запрещаю тебе, слышишь?

– Я постараюсь вернуться пораньше. Еще раз извините, – кивнув нам, девушка выбежала на улицу.

Мы с Генри переглянулись. Пора было переходить к делу. Наверняка Линда снова пошла в лес.

– Миссис Петерсон, – начал мой друг, – наш визит к вам имеет еще одну цель. Мы хотим выполнить обещание, которое дали Дэвиду. Он действительно серьезно болен, он на грани психического расстройства. В ваших силах ему помочь. Вопрос очень деликатный. Но ведь вы не откажете ему в помощи, правда?

– Нет, нет! Для него я все готова сделать.

– Так вот, Дэвид любит вашу дочь. Он попросил доктора Фрэдбера поговорить с вами. Он волнуется за нее, подозревает, что Линда попала в какую-то беду, и не может стерпеть, что от него все скрывают. Он знает, что Линда каждый вечер с кем-то встречается в лесу. Хотя он очень переживает из-за этого, но, мне кажется, будет лучше рассказать Дэвиду всю правду, какой бы она не была.

Миссис Петерсон молчала, глядя в пол. Ее волнение выдавало то, как она комкала в руках платок. Я пришел на выручку Генри.

– Миссис Петерсон, простите нас, пожалуйста, что мы затрагиваем вопросы, совершенно нас не касающиеся. Смею

вас заверить, что нами движет не праздное любопытство, и сами мы никогда не решились бы говорить об этом. Но нас обязывает профессия доктора, а кроме того, я действительно обещал Дэвиду помочь... Еще раз простите, что мы вмешиваемся не в свое дело, но я тоже думаю, что он заслуживает более честного отношения. Пусть Линда разлюбила его, пусть она бежит на свидание с другим парнем, но Дэвид вправе знать это...

– Ох, да если бы она ходила в лес к какому-нибудь парню! Нет, все не так! – не выдержала мать. – Во всем виновата Мириам, она украла у меня дочь! Из-за нее все мои беды!

Услышав это, Генри досадливо поморщился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.